

— Эй, пассажир! – позвал громко водитель такси, посмотрев на него в зеркало заднего обзора.

– Я не сплю, – заверил Игнат, сел ровно, потер сильно ладонями лицо, пытаясь содрать корку усталости, сковавшую мышцы, и распорядился: – Включите свет

Его разморило как-то сразу, как только он устроился на заднем сиденье и откинул голову на подголовник. От тепла в салоне, мерного движения машины накатила дремота, и пришлось прикладывать усилия, чтобы не заснуть окончательно и контролировать ситуацию, ну, не ситуацию в целом, а хотя бы где и как они едут.

Стрельцов достал из портфеля записную книжку, нашел нужную страничку, прочитал адрес, наклонившись влево, к соседнему сиденью, посмотрел в окно, сверяя написанное со светящейся табличкой на углу дома, – все верно.

Расплатившись с таксистом, вытащил свое уставшее тело из машины, мимолетно поймав себя на том, что постанывает, как старик. Пове-

сил ноутбук на плечо и, находясь в прострации, нечто вроде защитной реакции организма на переутомление, чуть было в салоне портфель не оставил, вспомнил о нем, когда дверцу закрывал, и увидел его, позабытый, на сиденье.

Подмораживало так, по-хорошему.

Его пробрало. Хоть Игнат довольно тепло был одет, но далеко не для пеших прогулок по морозцу. Вообще-то хорошо, в голове от холода немного просветлело, он даже шапку снял, бодрости поднабрать.

Стрельцов поднес руку к домофону, но тут, неприятно, пронзительно запищав предупреждающим об отпирании сигналом, открылась подъездная дверь, выпуская парня с девушкой.

– Здравствуйте, – кивнула девушка.

– Здравствуйте, – пожелал того же в ответ Игнат.

Парень обмен любезным здорованием не поддержал, осмотрев внимательным, несколько настороженным взглядом незнакомца с ног до головы. По всей видимости, результатом осмотра и оценкой стоимости его вещевой упаковки остался удовлетворен, поскольку сделал шаг в сторону, пропуская Игната в подъезд.

Оно и понятно, народ нынче в Москве пуганный и поэтому бдительный – мало ли кого принесло ночью темной в их дом. О том, что любой проходимец и преступник может выглядеть

очень даже респектабельно и богато, мальчонке, похоже, никто не объяснил.

Да как бы и бог с ним.

Поднявшись по лестнице на третий этаж не снабженного лифтом старинного дома, Игнат помедлил перед нужной дверью, прежде чем нажать кнопку звонка.

Полпервого ночи. На минуточку!

Нормальные люди спят праведным сном перед завтрашним рабочим днем. И то, что Игнат перебудит незнакомых людей, благодушие и расположение к его персоне вряд ли вызовет, какие бы форс-мажоры и обстоятельства незваного гостя к этому ни сподвигли.

М-да! Обстоятельства, прямо скажем....

Он нажал кнопку звонка, отозвавшегося еле слышными переливами в квартире. Вполне себе такая солидная дверь лишних звуков не пропустила, Стрельцов, по крайней мере, не слышал никакого движения по ту сторону.

Где-то через минуту ожидания, когда собрался уж было позвонить еще раз, он непонятным образом не то ощутил, не то понял как-то, что его рассматривают в глазок, и даже отступил немного назад, для лучшего обзора наблюдающему.

Прогрохотав канонадой в непуганой ночной тишине подъезда, «ворота цитадели» отворились, представив его взору маленькую, стройную в целом и плотненькую в правильных местах де-

вуху, в домашнем бархатном, а-ля спортивном костюмчике, с затянутыми в высокий конский хвост длинными темными волосами, с непокорной челкой, падавшей ей на глаза. Рассмотреть что-то более детально в тусклом свете лампочки на лестничной площадке и небольшого бра, включенного в прихожей, не представлялось возможным.

Впрочем, какая разница, как она там выглядит! Главное – открыла! Считай, первая удача за весь этот растреклятый бесконечный день!

Улыбнуться доброжелательно или еще как-то у Игната не получилось, хотя он честно попытался, все помня про «потревожить среди ночи», но от усталости запредельной мышцы лица баловаться мимикой отказывались напрочь.

Он собрался представиться, минуя предысторию «улыбающимся лицом», но девушка не дала ему такой возможности, перехватив инициативу:

– Предупреждаю! Если вы какой лихой человек или тать ночной, я напущу на вас Степана Ивановича! Мало не покажется! – совсем не страшно пуганула она.

– А кто у нас Степан Иванович? – поинтересовался расстановкой сил Стрельцов.

– Боевой хряк! – без какой-либо тени, намекающей на шутку, на полном серьезе заявила она.

Так! Спрашивать нельзя! Это совершенно очевидно! Но от переутомления, что ли, или что там ему сопутствует? Стресса? Ну вот, от них самых, и находясь к тому же в легкой стадии обалдения, он спросил:

– Вы держите дома кабана?

Девушка порассматривала его немного и с видом человека, смирившегося со своей участью, утвердила:

– Да! – и даже головой покачала, подтверждая тяжесть данного обстоятельства.

Так! И куда он попал?!

Стрельцов отступил на шаг и посмотрел на номер двери, проверяя верность адресности своего попадания. Номер квартиры весело посверкивал золотистыми бочками выпуклых циферок, уверяя в правильности адреса. Игнат перевел взгляд на девушку, безмятежно наблюдавшую за его изысканиями и ожидавшую пояснений по поводу появления незнакомца в столь поздний час.

– Не надо Степана Ивановича, – строго, поначальственному уверил Игнат. – Можно Ангелину Павловну?

– Нельзя, – как-то даже сочувственно ответила барышня, – она уже ангажирована другим мужчиной.

Да что здесь происходит?! Что за нелепый разговор?! У этой девицы с головой, что ли, не все в порядке?

Он разозлился влет, сурово, по-мужски, оттого и перешел на неприязненный, совсем уж начальственный тон:

– Послушайте! Я разыскиваю Дмитрия Николаевича Стрельцова, и для этого имеется веская причина! Его телефон не отвечает...

– Не кричите, – перебила его пылкую назидательность девица, не повысив голоса и не окрасив его эмоциями, – вы разбудите всех домашних, и Степана Ивановича в том числе.

– Да, – переведя дыхание, согласился Игнат, как с дельным предложением подчиненного, и, чуть сбавив напор, представился, поспешив закончить непонятный ему балаган: – Меня зовут Игнат Дмитриевич Стрельцов, я разыскиваю своего отца...

– Проходите, – вновь перебила его девушка, отошла в сторону и сделала приглашающий жест.

Стрельцов шагнул через порог, еще до конца не осознав, что его впустили, и не очень понимая, что же дальше: Степан Иванович-то будет?

Она закрыла за ним дверь, заперла замок, повернулась и, поражая гостеприимством, сменившим предупредительно-пугающие выступления, предложила:

– Раздевайтесь и проходите на кухню.

Резко наклонилась, пошарила в ящике гарнитура, извлекла солидные мужские тапки, поставила перед ним и распрямилась.

– Это вашего батюшки, – пояснила персонафикацию обуви. – Вам подойдут?

Он кивнул – подойдут, мол, еще как. После непоняток у дверей, кратковременной вспышки раздражения и совсем не плавного перехода к дружескому приглашению крохи оставшихся сил, выдавливаемые из организма исключительно силой воли, быстренько покинули Стрельцова, и он почувствовал такую гигантскую усталость, что даже говорить не мог.

А вот этого нельзя! Нельзя расслабляться! Еще придется ехать куда-то, бежать, искать...

Предупреждая его вопросы, девушка указала рукой на пуфик, предлагая этим жестом пристроить на него ноутбук с портфелем, забрала из рук шапку и шарф, достала из стенного встроенного шкафа вешалку-плечики, ожидая, когда Игнат снимет пальто.

Очень мило! Сначала «Степана Ивановича напушу», а теперь ухаживает, как за гостем дорогим.

В молчании происходил ритуал внедрения Стрельцова в незнакомую квартиру. Черт его знает, может, действительно девушка боялась потревожить боевого хряка, отдохавшего от трудностей защиты территории. Не нарушая утвердившегося молчания, хозяйка жестом указала направление дальнейшего следования, заявленного ею ранее, – в кухню, в дверь которой упирался длинный широкий коридор.

Перегруженный мозг Стрельцова на мелочи типа рассматривания деталей обстановки не разменивался – мужчина вошел в кухню и всем организмом замученным прочувствовал: уютно, домашне, тепло и просторно – хо-ро-шо!

– Присаживайтесь, Игнат Дмитриевич, – предложила хозяйка и поспешила собрать разложенные на большом круглом столе, стоявшем возле дивана, какие-то листки с рисунками, чертежи, документы, канцелярские мелочи, захлопнула крышку ноутбука и все это переложила на маленький столик у окна.

Работала явно, пока он не помешал ей своим полуночным появлением.

У него сил не наскребалось даже на раскаяние мало-мальское, а уж про ощущение неловкости и говорить нечего! Ему сейчас все было ловко в достижении главной цели.

– Чаю хотите? – спросила девушка.

Чаю он хотел. Черного, горячего, с сахаром и лимоном. Большую кружку. И пить обжигаясь.

– Можно умыться? – спросил Игнат.

Она кивнула и проводила его в ванную комнату, достала там из шкафчика чистое полотенце, протянула Стрельцову и вышла, осторожно притворив за собой дверь.

Стрельцов снял пиджак, галстук, расстегнул воротник рубашки, закатал рукава и просто сунул голову под струю воды – сначала горячую, потом холодную.

Надо же хоть что-то соображать! Еще неизвестно, куда придется дальше двигаться по ночной морозной Москве, какие действия предпринимать!

А ведь придется! Твою мать!

Галстук он не стал надевать, сунул в карман брюк, и рукава застегивать не стал, вытер волосы насухо, вымыл руки, сунул пиджак под мышку и двинулся назад, в предложенную для ночной аудиенции кухню.

Там его уже ждал чай, и именно такой, как Стрельцову хотелось, – горячий, черный, в большой кружке! Господи, как хорошо-то! Кстати, девушка, утверждавшая, что держит дома кабана, тоже его ждала.

– Садитесь, Игнат Дмитриевич, – улыбнулась она, указав рукой на диван.

Видимо, указующие жесты руками – ее излюбленная манера общения с миром, как у Ленина указание направления движения социалистической революции – типа: вперед!

О как! Подивился самому себе Стрельцов, встрепенулся, значит, разум ворчанием и легкой иронией. Что в данных обстоятельствах есть большое достижение.

– Меня зовут Инга, – представилась хозяйка. – Я дочь Ангелины Павловны. Ну, вы наверняка это знаете.

Она поставила на стол возле чашки с чаем, которую Стрельцов обнял двумя ладонями сра-

зу, как сел, словно блокадник согревающийся, тарелочку с порезанным лимоном, сахарницу и вазочку с сушками-конфетками и озабоченно поинтересовалась:

– Игнат Дмитриевич, вы есть хотите?

– Не знаю, – честно признался он и заторопился с вопросами, словно боялся, что его сейчас прогонят от тепла, уюта и горячего чая: – Инга, а где отец?

– Они с мамой в Египте отдыхают. И пользуются там другой, туристической, симкой, поэтому до них и не дозвониться по прежним номерам. – Девушка села за стол напротив него и дала более расширенное пояснение: – Они затеяли ремонт в квартире, пожили с нами пару недель и решили уехать покурортничать.

– Про ремонт я знаю, – кивнул Стрельцов, размешивая сахар.

Сделал первый, обжигающий, большой глоток и аж зажмурился от удовольствия, помолчал немного, пока смаковал эту малую радость.

– Я разговаривал с его соседкой, она про ремонт объяснила.

– Ах да, Анна Ивановна, – улыбнулась Инга, – мы подозреваем, что она чекистка в отставке. За всеми следит, сведения собирает, расспрашивает с пристрастием.

– Да уж, – улыбнулся ответно, впервые за весь растянувшийся более чем на сутки день Стрельцов. – Меня она тоже допросу подвергла.

Кстати, так каждый раз, когда я к отцу приезжаю. И телефоны ваши не дала, как ни уговаривал.

Чай был хорош, крепко-терпкий, и успокаивал горячестью пустоту в желудке. Игнат почувствовал, как его расслабляет, затягивая, это тепло внутри. Он потрянул головой, потер веки пальцами, пытаясь взбодриться, чтобы не вырубиться прямо здесь.

– У меня дочь пропала, – признался он Инге, потирая и потирая веки. – Сбежала от матери, оставила дурацкую записку, что уехала к деду в Москву, телефон отключила.

– Нашлась ваша беглянка, – опять улыбнулась Инга, – спит в гостевой комнате.

– Она здесь? У вас? – не поверил до конца Стрельцов.

– Да, здесь. За час до вас приехала, – подтвердила Инга, для убедительности качнув головой, – умная девочка. Прodelала тот же маршрут, что и вы. Не найдя никого в квартире деда, поехала к нам. Адрес она знает, она же приезжала на их свадьбу и жила у нас здесь.

– Да, точно, – вспомнил Игнат немного растерянно. – Машка ездила тогда на свадьбу, а я в командировке в Германии был и не смог приехать. – И вдруг до него дошло окончательно. – Так она точно здесь?

– Точно, точно, – уверила Инга. – Хотите посмотреть?

– Нет, – отказался Стрельцов, подумав.

От облегчения, низвергнувшегося на него, он почувствовал, как киселем расслабились мышцы и в глазах аж защипало, пришлось их снова сильно потереть пальцами.

Слава тебе господи! И что? Уже не надо нести в неизвестность? Разыскивать, в милицию обращаться? Что, не надо?

Кажется, хозяйка его о чем-то спросила? Ах да, предложила посмотреть на спящую дочь!

– Нет, – повторил он, – а то не удержусь, разбужу и такого навалю, по первое число! Похорошему выпороть бы ее надо! – Он посмотрел на Ингу и признался: – Перепугался страшно! Когда понял, что отца нет и она его не нашла, а на дворе ночь и неизвестно, куда она могла деться и что с ней.

Инга покивала понимающе, сочувственно улыбнулась и предложила принятый в таких ситуациях простейший «антистресс»:

– Может, вам коньяку выпить?

Стрельцов призадумался – коньяку оно, конечно, очень бы здорово и именно то, но еще ехать искать гостиницу, заселяться, а его разве-зет в момент, вот сто пудов!

От чаю, коньяка и отпустившего все силы воли облегчения.

Непроизвольно тяжело вздохнув, он уж собрался с большим сожалением отказаться, но его отвлекли странные звуки где-то в коридоре,

приближающиеся к кухне, нечто напоминающее постукивание по полу. Усилившись, звуки вдруг оборвались. Игнат недоуменно уставился на дверь, которая, дернувшись пару раз, начала медленно открываться.

В образовавшуюся щель просунулось небольшое свинячье рыльце, подтолкнуло створку, и, процокав по полу копытцами, в кухне появилась пегая маленькая свинка, серого окраса с темными пятнами. Стрельцов оторопел от такого театрального появления, словно прилет инопланетян наблюдал, и даже заподозрил, как тогда, у дверей в квартиру, что от усталости и стресса он того, сдвинулся немного разумом в восприятии окружающей действительности. Или много.

– А вот и Степан Иванович собственной персоной, – представила Инга животное с особой серьезностью, прямо как директора предприятия какого при авторитете.

– Это тот самый боевой хряк? – начал выяснять Стрельцов, приходя в разум.

– А то! Зверюга, говорю вам! – сделав «страшное» лицо, уверила с воодушевлением Инга.

Кабанчик покрутил недовольно рыльцем, подошел к гостю и принялся обнюхивать его ногу.

– Кусается? – настороженно спросил господин Стрельцов

– Наверняка! – рассмеялась Инга. – Характер у него, скажем прямо, вполне свинский.

Стрельцов рассматривал «зверюгу», недовольно обнюхивающую его брючины, и подумывал о том, что засады сегодняшнего дня, пожалуй, рановато считать законченными. Свинтус, вынюхав все, что ему надо, недовольно хрюкнул и повернулся к Инге.

– Нет, Степан Иванович, – обратилась к питомцу хозяйка, – ночью никого не кормят!

Кабан хрюкнул с явным неодобрением, проделал некие движения ушами и маленьким хвостиком, чуть повернулся тельцем в сторону Игната, словно кивнул на него.

– А это гость неожиданный, его потчует, – пояснила Инга, словно с человеком диспут вела.

Свинья хрюкнула с явным намеком на пренебрежение типа: «Да ладно, какой такой гость?»

– Важный гость, дорогой, – утвердила в ответ хозяйка. – А вам, Степан Иванович, от ночных посиделок ничего не перепадет, у вас, знаете ли, диета! Можете идти почивать далее.

Вы бы что в такой ситуации подумали? Вот-вот! Стрельцов аж взбодрился умищем, придя к выводу, что это не он того, ку-ку, а Инга несколько, скажем так, не в себе. Стрельцов даже рассматривать ее принялся, видимо, пытаясь обнаружить признаки ненормальности на лице.

Признаков не наблюдалось, ни явных, ни намекающих, но она перехватила этот его изучаю-

щий взгляд и звонко рассмеялась. Спихватилась, что громко, и прижала пальцы к губам, продолжая посмеиваться.

– Не удивляйтесь, Игнат Дмитриевич, – успокоила его сомнения она. – Степан Иванович у нас товарищ серьезный, член семьи, можно сказать, большой ее критик и блюститель нравственности. Он абсолютно все понимает и требует к себе уважительного отношения.

На лице Стрельцова отразились сильные сомнения по поводу ума Степана Ивановича и его хозяйки иже с ним. На что кабанчик шустренько развернулся всей тушкой, уставился глазами-бусинками на Игната и хрюкнул.

Вот верьте не верьте, но на его морде отразилось предупреждающее недовольство, и хрюк этот имел интонацию предупреждения перед падением, и хвостик как-то дернулся из стороны в сторону с тем же намеком.

Боевой хряк, итить его!

– Ладно вам, Степан Иваныч, – урезонила Инга «члена семьи». – Игнат же Дмитриевич с вами не знаком, вот и выказывает сомнения в ваших свинских способностях.

И тут до Стрельцова дошло, что она просто умирает со смеху, еле сдерживается, чтобы не расхохотаться в голос, наблюдая за его реакцией и всеми эмоциями, отражающимися у него на лице.

Так! Что там? Переутомление и стресс?

– Все, Степан Иваныч, свободны! – объявила об окончании представления Инга. – Вам здесь не обломится!

Кабанчик громко хрюкнул – уж извините – пренебрежительно! Подошел к своим мисочкам возле холодильника у стены, обнюхал их, удостоверившись в постулате «не обломится», потом быстренько засеменил к двери, юркнул в щель и застучал дробно копытцами, удаляясь от кухни.

И, черт побери, весь его свинячий зад и окорочка выражали полное порицание и неодобрение ситуации, гостя этого ночного и веселящейся хозяйки!

Инга, не забывая о спящих в доме, тихонько рассмеялась, встала, закрыла за удалившимся на покой Степаном Ивановичем дверь кухни.

– А как он вошел? – спросил Игнат с неподдельным любопытством.

– С той стороны к ручке привязана веревка с деревянным шариком на конце. Он за нее дергает и открывает дверь, – вернувшись на свое место, пояснила Инга. – Раньше, когда Степан Иванович рвался на кухню, а дверь была закрыта, он устраивал такой скандал. Визжал, хрюкал, стучал копытами в дверь, ругался, в общем, не по-детски, вот Федор и придумал «ручку» для него. Вы не удивляйтесь, Игнат Дмитриевич, на самом деле эти мини-пиги невероятно умные, они абсолютно все понимают и даже разгова-

ривают. Правда-правда! Наш, например, четко говорит «Фе-дя», «да» и «нет». Ну и мимикой морды и тушки остальное, недосказанное. Еще увидите сами, убедитесь, – старательно уверяла она..

– Уже убедился, – попытался улыбнуться Игнат.

Улыбаться получалось не очень. Хотя, надо отдать должное, ночной диалог женщины со свиньей его несколько взбодрил.

Но... к нашим баранам, куда ж без них. Чай он выпил и не заметил, как и когда, пора и...

– Так что насчет коньяка как средства от стресса? – повторила свое предложение она, резко сменив тему взаимоотношений людей и свиней.

– Я бы с удовольствием, но, увы, еще в гостиницу ехать, – развел руками с большим сожалением Стрельцов.

– Какая гостиница? – возмутилась активно-недоуменно она – Да вы что? Никуда я вас не пущу! Вы себя в зеркало видели?

– Вроде да, – растерялся несколько от неожиданного напора Стрельцов. – А что я там должен был увидеть?

– Да вы измучены вконец! – пояснила Инга. – Вы, кстати, как столь оперативно в Москве очутились? Маша говорила, что вы в командировке и еще не скоро вернетесь, поэтому она к деду и рванула.

– Я смог раньше с делами управиться, в авральном, так сказать, режиме. У нас с этим проектом все в авральном порядке. Освободился на несколько дней раньше, вот и прилетел.

– Откуда?

– Из Владивостока.

– Ничего себе! – посочувствовала горячо Инга, уточнив: – В Москву?

– Нет, – вздохнул Игнат. – В Питер. Когда получал багаж, позвонила Марина, сообщила, что Машка сбежала в Москву. Я ближайшим рейсом и полетел за ней.

– О господи! – аж всплеснула руками от сочувствия Инга. – Это ж сколько часов вы сегодня летали?

– Одиннадцать в общей сложности.

– Так! – резво поднялась она в деятельном порыве. – Вам надо поесть горячего! Обязательно!

– Не надо, Инга, – остановил он. – Есть я сейчас вряд ли смогу.

– Тогда что? Душ?

– Душ – это прекрасно, но и его я, пожалуй, не осилю, – сожалеюще вздохнул Стрельцов, на которого навалилась вся тягостность сегодняшняя, – поеду я, Инга.

И по-стариковски, с трудом принялся подниматься с дивана.

– Да куда вы не поедете, Игнат! – строго, повысив голос, отрезала она, проигнорировав

«Дмитриевича». – Сейчас я вам постелю в гостиной, на диване, вас там никто не потревожит! Не засыпайте только пока, я быстро. Ладно?

– Ладно, – выдохнул Стрельцов все сразу: и напряжение, и ужасную перспективу еще куда-то ехать, двигаться, что-то предпринимать. Почувствовав облегчение, попросил: – Давайте тогда ваш коньяк.

Пока он с теми же предосторожностями, постариковски осторожно, стараясь не тревожить лишними движениями тело умученное, усаживался обратно на диван, Инга успела поставить перед ним на стол пузатую рюмку и початую бутылку дорогого коньяка. Посмотрела на его движения с сомнением и сама открыла и налила добрую порцию в рюмку.

– Да, еще, Игнат, – с большим сочувствием в голосе сообщила она, – Маша звонить матери отказалась, пообещала сделать это утром. Я как раз дозванивалась до Дмитрия Николаевича, чтобы узнать телефон Марины, когда появились вы. Так что вам придется самому ей звонить. – И, почти извиняясь непонятно за что, добавила: – Я пойду постелю вам.

Он кивнул, и благодаря и соглашаясь одновременно, достал из кармана сотовый, набрал Маринин номер и, слушая гудки вызова, хлопнул всю порцию коньяка.

Ему нужно было, как лекарство.

– Да! – проорала Марина.

– Я ее нашел. Не кричи, – поморщился он от резкости ее голоса и коньячной крепости, закусил ломтиком лимона, отчего скривился еще разок.

– Где она?!

– Марин, не кричи, – повысив голос, потребовал Стрельцов. – Она в порядке. Спит.

– Пусть немедленно едет домой!

– Какое домой? Час ночи! – урезонил бывшую жену Игнат. – Завтра поговорим.

– Что значит завтра?! Я тут себе места не нахожу, с ума схожу!

– Ну так не сходи! – брызнул раздражением и сразу остыл он. – Марин, главное, она нашлась, жива, здорова, а разбор полетов отложим до завтра, – приказным тоном, с нажимом отчеканил Стрельцов. – Все. Пока!

Он с сомнением посмотрел на бутылку – нет, пожалуй, хватит допингов – спать, спать, спать!

Дальнейшее перемещение из кухни в гостиную на уютный большущий мягкий диван, под теплое пуховое одеяло, как в мечту, он запомнил с трудом, отрывочно, уже в полудреме. И упал, как умер, раздевшись в бессознании частичном, и перед глазами какое-то время все белели облака под крылом самолета.

Этот проект, который выполнял их институт, был самым масштабным, невероятно значимым, сверхответственным и, разумеется, на

супервысоком государственном уровне. Нечто уникальное, ранее никогда и никем в мире не делавшееся.

Казалось бы – красота страшная! Но замороче-е-ек! И «головняк» выше маковки!

На всех уровнях! И, разумеется, ответственность сверх всякой меры!

Так что вкалывали все: от генерального директора до последнего чертежника. Вот и Стрельцову приходилось трясти свою начальственную пятую точку, мотаясь разгрести на месте засады всякого рода.

А начальствовал Игнат Дмитриевич отделом научно-технической экспертизы, если придерживаться абсолютной точности, «Объединением отделов испытания, анализа и экспертизы материалов, природных ресурсов, изделий, конструкций, научных исследований, испытаний и экспертизы» в Институте мостостроения и дорог, находящемся в городе Санкт-Петербурге.

И нравилась Стрельцову его работа до необычайности и влюбленности редкой. Всегда нравилась, с первого курса института, становясь все интереснее, увлекательнее от проекта к проекту, по мере роста и накапливания им бесценных знаний-умений.

А тут такие масштабы! Да красотень!

Конечно, и ночи не спишь, и по двенадцать, а то и шестнадцать часов в сутки вкалываешь, но ведь в радость и в жгучий интерес!

Ну, вот и с приветом – во Владик!

На месте урегулировать все, что успели напортачить подчиненные и не смогли согласовать с местным начальством и проектным отделом. Так сказать, разбираться не отходя от кассы.

Он и разбирался в режиме штурмовом: «тумаков» надавал кому следовало, голос сорвал, ругаясь с кем требовалось, улыбался губернаторствующим и выпивал «деловую» с проектниками по четырнадцатичасовому рабочему графику.

Нормально. Разрулил на этом этапе.

Отчет составил, отправил по электронной почте вместе с проверочными данными и этапными расчетами в отдел. Доложил о результатах Каюшеву, генеральному директору, принял от него похвалу, уважуху и «отсыпную» пятницу, попрощался до понедельника...

И почти весь девятичасовой полет не вылезал из ноутбука, перепроверя расчеты и показатели, пересматривая графики работ, перечитывая докладные и отчеты подчиненных.

Где-то минут за сорок до посадки захлопнул крышку лэптопа – все! Ночью накануне поспалто не больше четырех часов, торопился дела закончить. Знал, что три дня отдыха впереди, мечтал, как приедет на свой участок на Финском заливе, где строил дом, затопит печь и пойдет гулять по местам красоты завораживающей, непередаваемой!

Стрельцов смотрел в иллюминатор на кипенно-белые, причудливо клубящиеся облака, подсвеченные садящимся за горизонт солнцем. Самолет двигался с востока на запад, и солнце все садилось и садилось, а они, как в детской игре, все догоняли и догоняли этот растянувшийся на часы закат.

В аэропорту Стрельцова встречал Иван, его личный водитель. Игнат Дмитриевич махнул рукой, заметив его за ограждением в зоне для встречающих, подхватил с транспортной ленты багаж, и в это время позвонила Марина.

Стрельцов от досады крутанул головой – вот меньше всего сейчас, после тяжелой, измывавшей командировки и многочасового перелета, ему хотелось разобраться в чем-то там с бывшей женой.

Что разобраться – верняк!

Для иных целей она как-то не торопилась звонить. К денежному эквиваленту его внимания к дочери и себе самой у бывшей жены претензий не имелось, а даже где-то мерси за щедрость, ни попыток, ни призывов к воссоединению не наблюдалось – боже упаси! Зато существовал извечный повод для упреков, требований и поучений – дочь Мария.

Игнат долго не нажимал кнопку ответа, надеясь, что Марина отстанет. Но его бывшая настойчивая жена делать этого не собиралась и после

того, как связь за «неответом абонента» прервалась автоматически, перезвонила еще раз.

Стрельцов успел выйти из багажного отделения, пожать руку Ивану, который на ходу перехватил у него чемодан, когда телефон повторил вызов бывшей жены.

– Да, Марин, – буркнул он.

– Игнат! – с ходу на высоких истерических тонах начала она. – Машка сбежала!

Он вышел из здания на улицу, вздохнул пару раз для успокоения и ровным тоном задал ставший последнее время традиционным вопрос:

– Вы опять поругались?

– Мы поругались не опять! Это у нас обычная форма общения! – возразила Марина. – Она совершенно отбилась от рук! Меня ни во грош не ставит, хамит, грубит! Вытворяет черт-те что!

– У нее переходный возраст, – миллион сто первый раз напомнил он, выступая в надоевшей до оскомины роли миротворца между женой и дочерью. – Я тебе предлагал неоднократно: пусть поживет со мной, а ты отдохнешь от ее закидонов.

– Ну да! Я, значит, плохая мать, а ты у нас прекрасный понимающий отец! – повторила она любимую присказку.

В миллион сто первый раз! Как же ему это остохренело!

– Так, все! Хватит! Давай по делу! – сурово приказал Стрельцов.

– По делу?! – аж задохнулась от возмущения бывшая жена. – Ах, по делу! Так вот, она сбегала, оставила идиотскую записку, что уехала к деду в Москву, разговаривать со мной не желает и телефон свой отключила!

– И в чем причина разногласий на этот раз? – поторапливал Стрельцов.

А Марина вдруг замолчала. Как-то странно примолкла, совсем не в свойственной ей манере.

– Марин? – призвал к затянувшемуся ответу Игнат.

– Она беременна! – сообщила мать его пятнадцатилетней дочери.

– Что-о-о?! – обалдел Стрельцов.

– Беременна. Шесть недель, – четко выговаривая слова, без истерической составляющей повторила Марина.

– Та-а-ак! – пытался осмыслить информацию Стрельцов, осмыслить получалось не очень, и он повторил: – Та-ак!

А Марина вдруг затараторила, зашпешила словами сквозь рыдания:

– Конечно, я на нее наорала, а кто бы не наорал! Ей пятнадцать! А тут! Конечно, я сказала, что мы немедленно идем к врачу и делаем аборт! А что еще?! А она как с цепи сорвалась, словно помешалась! Такого мне наговорила! Я ее дома закрыла, ключи отобрала и поехала к Елене Сергеевне, ну, к гинекологу знакомому, договариваться об аборте. А у этой засранки запасные

ключи были. Возвращаюсь домой, ее нет, и записка лежит! Сейчас прочитаю. – Она зашебуршила листком, хлюпнула носом и прочитала: – «Я уехала к деду в Москву, пока не вернется отец, разговаривать с тобой не хочу, не звони, я все равно отключила телефон. И можешь не стараться, никакого аборта я делать не буду». – Закончив, Марина снова разрыдалась: – Господи, вырастила на свою голову! Что же это такое, Игнат?! Опозорила нас да еще выкаблучивается!

– Ты отцу звонила? – перебил причитания он.

– Да! – продолжала плакать Марина. – У него номер недоступен, и у жены его тоже! Может, они уехали куда! Вот где Машка?! Что с ней?! Что она одна в этой Москве делать будет? Да еще ночью!

– Все! Не плачь! – уже принял решение Стрельцов, как всегда быстро и без дальнейших сомнений. – Я ее найду!

– Ты что, в Москву полетишь? – шмыгнув носом, спросила бывшая жена растерянно.

– Нет, бля, в Воркуту! – гаркнул Стрельцов, отключился, не прощаясь, и пошел к водителю, ждавшему его тактично поодаль, не мешая разговаривать.

– Ну что, Иван, концепция поменялась! – сообщил раздосадованный начальник. – Пошли к машине!

Вытащив из портфеля несколько папок с документами, Стрельцов открыл чемодан, пере-

ложил из него в портфель дорожный несессер, пару сменного белья, легкий пуловер на всякий случай.

– Да что стряслось-то, Игнат Дмитрич? – недоумевал водитель, наблюдая за его действиями.

Иван – мужик правильный, надежный, сто раз перепроверенный службой безопасности, а как вы думали! Ведь большая часть работы Стрельцова и его подчиненных – это конфиденциальная и охраняемая информация, в каком-то смысле стратегическая. Представьте, какими могут быть последствия, если данные научных экспертиз попадут, скажем, к конкурентам или к лоббирующим иные интересы, далеко не миролюбивые. Ну, вот то-то!

Возил Иван Стрельцова уж второй год, и душа в душу, заслужив начальственную уважку и доверие. А посему и запасную связку ключей от его, начальства то бишь, жилья.

– Ты, Иван, отвези багаж мое домой, а папки сразу в офис, – распорядился Стрельцов, застегивая портфель, – а я в Москву.

– Прямо сейчас? – ошарашенно переспросил водитель. – Это после такого перелета?

– Прямо сейчас, – подтвердил Стрельцов, позволив себе вздох тяжкий, – после такого перелета.

– Ну, смотри, Игнат Дмитрич, как знаешь, – покачал неодобрительно головой водила, за-

хлопявая крышку багажника. – Тебе бы, по-хорошему, отоспаться, отлежаться.

– По-хорошему оно бы конечно, – согласился Игнат, хлопнул Ивана по плечу и зашагал назад в аэропорт.

Ближайшим рейсом он улетел в Москву.

Все закаты Стрельцов догнал и перегнал за этот нескончаемый день. Смотрел в слепую темноту за иллюминатором, и все клокотало у него внутри, возмущением беспредельным обжигая шипением мозг!

Его девочка! Господи! Его девочка – вечно растрепанные косички, сбитые коленки, счастливая улыбка, сияющие зеленущие глазенки – фонтан энергии, радости и любви во все стороны!

– Па-по-чка! – орала она, только завидев его, и кидалась на шею обниматься-целоваться и рассказывать, захлебываясь, все-все-все самые важнющие свои девчоночьи дела!

Принцесска!

Так он ее называл в детстве. Машенька, его огромное счастье! У Стрельцова всегда что-то щемило возле сердца от любви и нежности, когда он смотрел на нее или заходил в ее комнату, когда девочки не было, и видел ее вещички, игрушки разбросанные. Его доченька!

Однажды Машка сильно заболела. Подозревали воспаление легких. Игнат перепугался страшно! До холодных судорог в прессе! Температура шкалила запредельная, чего они толь-

ко не предпринимали, и приехавшая «Скорая» сбить не смогла. И он носил дочку на руках, ходил по всей квартире, укачивал, рассказывал что-то, песенки фальшиво пел, и все ходил и ходил, не спуская с рук ни на минуту.

К утру температура спала, и они так и заснули на диване вдвоем – он и Машка, оберегаемая кольцом отцовских рук. И оказалось, такой грипп тяжелый, а не воспаление.

Разумеется, она еще не раз подхватывала разные гриппы и коленки-локти вечно разбивала из-за энергии двигательной кипучей, но так тяжело, как тогда, больше не болела никогда.

Стрельцов на всю жизнь запомнил физическое чувство страха, которое испытал в ту ночь за Машку!

А потом она как-то в один момент выросла – спать ложилась еще принцесской с косичками, а утром уж барышней проснулась. И грудь у нее выросла враз, быстро, и тебе все округлости-плавности появились, и походка, и понты девичьи, и косметики-макияжи, и коротенькие, на грани отцовского инфаркта, юбочки, каблуки, и...

И такая тут шняга началась! Только держись! Понеслось подростковое аутодафе родителям! Усугубленное их с Мариной разводом.

О господи, господи! Весь набор противостояния родителей и детей! Спасибо всевышнему, без наркоты и криминала – это Стрельцов знал точно! Сам с ней разговаривал и – да простит

его Машка! – просил службу безопасности потихому проверить. А куда деваться?! И на том отцовское спасибо, что без таких крайностей! Как сказал его отец: «И это большое счастье!»

На большое счастье необходимость терпеть все ее выкрутасы не тянула никак!

Но кто бы мог ждать беды с другой стороны?

Стрельцов, как только представлял, что какой-то мужик проделывает с его девочкой, что обычно мужики проделывают, у него пелена перед глазами плыла! Как ее там в книгах называют? Кровавая? Во-во! Именно такая – бешеная!

Он все успокаивал себя, цыкал на разбушевавшееся воображение: ну, может, тот козел, которого по-хорошему придушить бы надо, и не проделывал с его девочкой ничего подобного!

И тут же взрывался возмущением беспредельным: да, а что, шесть недель беременности ей ветром надуло?!

И вновь принимался себя остужать, успокаивать: ну, может, пацан какой, ровесник, такой же неграмотный в этом деле, как и она?

И погнали заново: пацан не пацан, но занимались они именно тем, от чего дети получают!

Так накрутил себя, что даже сердце заныло от размышлений таких. Стрельцов потер рукой грудь, успокаивая ретивое и сознание, и сердчишко.

– Вам плохо? – спросила сердобольная пожилая женщина, сидевшая рядом. – У меня есть валидол и нитроглицерин, вам дать?

– Спасибо, – поблагодарил он, – не надо.

Не скажешь, конечно, что ему хорошо, скорее ближе к хреново, но не до такой же степени. Валидол – это, пожалуй, перебор.

Ничего. Разберемся!

Главное, Машку найти!

Инга несколько раз осторожно, чтобы не потревожить Стрельцова, заглядывала в гостиную. Ночной вторженец спал, не реагируя ни на какие звуки в доме. А звуки активной утренней жизни домочадцев приглушить, несмотря на все старания, было, как говорит ее сын Федор, полный бесполезняк!

Утро доброе началось с громогласного баса сыночка.

– Мамулька, привет! – заявившись в кухню по дороге в ванную в одних труселях, поприветствовал ее отпрыск родной пятнадцати годов.

– Не шуми, у нас гость спит, – предприняла попытку утихомирить сына Инга.

– Это Маня, что ли? Так она уже встала, вот очередь за ней в коммунальную ванную занял. Дожидаюсь! – балагурил с утренней жизнерадостностью Федька.

– Не Машка, а папаня ейный ночью прибыли, – разъяснила Инга, ловко переворачивая тонюсенький большой блин на сковородке.

Народу в их «цирковой труппе» прибавилось, следовательно, прокорму требовалось поболее, вот она и старалась дежурной кухаркой.

– Да ты че! – хохотнул Федька. – Маня офигеет!

– Почему у меня такое чувство, что сей факт не слишком ее обрадует? – поинтересовалась Инга и хлопнула Федьку по руке, потянувшейся стибрить блин с тарелки. – Сначала умываться!

– Да полно вам, маман, – продолжал радоваться жизни отпрыск, – отрок кушать хочут.

– Иди, иди, – вытолкала его из кухни «маман», – и оденься, у нас в доме барышня, неча исподним трясти, девушку конфузить!

Федька был выдворен, очередной блин ловко перекинут на тарелку, блинная исходная на сковородку, и тут из коридора донесся легкий скрип, сопровождаемый дробным постукиванием.

– Ну что, – встретила новоприбывших Инга, – тяжелая артиллерия пожаловала?

– Доброе утро, Ингуша, – въехала на инвалидном кресле в кухонное пространство бабушка, сопровождаемая верным Степаном Ивановичем.

– Что-то вы припозднились сегодня? – поинтересовалась Инга.

– Прихорашивались, – доложила бабушка. – До меня дошли слухи, что нас посетил мужчина. – И она вопросительно подняла искусно подведенную карандашом бровь.

– Да бросьте вы, Анфиса Потаповна, – усмехнулась Инга, – доносить-то некому-с было. Уж признайтесь: информация из первых рук, полученная методом подслушивания.

– Нехорошо стыдить пожилого человека, – попеняла бабушка и лихо подрулила к месту обычной своей дислокации за столом.

Управлялась она, надо заметить, с этим электрокреслом, как Шумахер со своей машиной.

– Да, я слышала прибытие ночного гостя и твое с ним общение, – призналась бабушка, добавив немного порицания для приправы. – Разговаривали вы, скажем прямо, на всю лестничную площадку.

Степан Иванович громко хрюкнул, выказав полное и категорическое неодобрение гостя незваного и общения Инги с ним. Читай: черт-те что, сплошной беспорядок в доме! Шастают всякие! И вообще, что за дела такие – завтракать пора!

– И не умничайте! – напустилась на него Инга. – Вы вообще ночью вели себя по-свински, Степан Иванович! Заявились тут с проверкой, может, чего пожрать перепадет, чуть гостя не покусали, да еще презрение выказывали!

– Хрю! – отозвался на заявку Степан Иванович с явным пренебрежением.

Что означало: «Да какое мне дело до ваших гостей! Подумаешь, ходят тут! А территорию на предмет шума непонятного проверить обязан!»

– Степан Иванович при своей ответственности, – поддержала его бабушка.

– Доброе утро! – образовалась в кухне Мария Стрельцова, свежа и бодр.

– Здравствуй, Машенька! – разулыбалась бабушка ребенку.

– Хм-хрю! – ворчнул Степан Иванович и процокал к своему «столовскому» месту, где Инга уже разложила для него на чистой – заметьте! – белоснежно чистой тряпочке опять-таки же чистые кусочки овощей.

А то! Эстет и гурман! А вы думали! Мы вам не хрюшки в загоне – манеры и гонор имеем!

– Привет, Машенька, – поздоровалась Инга. – Садись, сейчас завтракать будем.

– Давайте я помогу, – предложила девочка паинькой примерной.

Никак что-то в погоде изменилось, раз мы тут скромницей прилежной выступаем!

– Помочь ты, конечно, можешь, но сначала осмысли информацию, – предложила, усмехнувшись, Инга. – Ночью приехал твой папа. Есть предположения почему?

– Ой! – прижав ладошку к губам от испугу, отозвалась Машка и, не сводя перепуганного

взгляда с Инги, села на диван. – Ку-куда приехал?

– Да вот к нам, понимаешь ли, – не порадовала Инга, – поживает сейчас в гостиной.

– А он знает? – совсем по-детски, с надеждой на отрицательный ответ, полупшепотом спросила девочка.

– Подозреваю, что да.

– Хм-хрю! – вставил свое свинячье Степан Иванович без отрыва от основного занятия.

– Ой, что же будет? – округлила глаза от предчувствия грядущего скандала и нагоняя от бабушки девица Мария.

– Ну, леденцы с неба вряд ли, – «предположила» Инга, – и по головке тоже, скорее всего, не погладят. Но, думаю, обойдется без смертоубийства.

– Хм-хрю, хрю! (в переводе: «Еще чего!») – донесся громкий ропот из кабаньего угла.

– Инга, перестань пугать девочку! – вступилась Анфиса Потаповна.

– Кто тут кого пугает? – поинтересовался Федька, присоединяясь к компании.

Уже одетым и умытым! Слава тебе!

– Так! – утвердила распорядитель банкета. – Завтракать для начала!

– А для продолжения? – уточнил повестку дня отрок родной. – Машк, у тебя какие планы?

Как выяснилось, у Марии планы имелись в количестве одного, но весьма конкретного пун-

кта: улепетнуть куда-нибудь побыстрее от отцовского гнева и разборок.

– Побег не одобряю, – возразила Инга, – лучше сразу поговорить, обсудить проблему, а не мучиться ожиданием наказания.

– Я лучше помучаюсь, тетя Инг, а! – заныла Машка. – Пусть он выспится, отдохнет! Он ведь, знаете, из самого Владивостока летел!

– Вот именно, и с пересадкой в Питере, – подтвердила тетя Инга.

– Ну во-о-от! Ну, Инга Валерьевна, ну, давайте я где-нибудь погуляю, а вы его тут успокоите, уговорите не очень расстраиваться, вы же умеете так делать! А потом уж и я.

– Дитя, а ты уверена, что твои проблемы должны решать все взрослые вокруг? – предприняла попытку воспитательного наставления Инга.

– Не уверена, но очень хочется! – хныкала Машка.

– Хрю! – что-то там не одобрил Степан Иванович.

– Ладно, Ингуша, – вступила в сговор с несовершеннолетней Анфиса Потаповна, – чем девочке здесь сидеть и ждать, когда он проснется, пусть лучше погуляет. А там, глядишь, и на самом деле Игнат Дмитриевич поостынет и пенять с суровой строгостью не станет.

– Это что, бунт в детском саду? – возмутилась Инга. – А воспитательница у нас идейный вдохновитель?

– Ма, да ладно тебе, – вмешался Федька. – Давай мы с Машкой слиняем, она от папеньки, а я от школы.

– Откололся и примкнул к оппозиции? – вопрошала маман сына.

– Да-мхр! – высказался Степан Иванович.

Кстати, он на самом деле умел говорить «да», «нет» и «Фе-дя».

– О боже! – театрально возроптала Инга. – Даже свиньи выступать начали! Что будет со страной?! Ладно, ешьте быстро и валите, пока я не передумала!

– У-ра, – с серьезным выражением лица заявил Федор.

– Ура? – недоуменно переспросила у него Машка.

– Оно, – подтвердил предыдущий оратор.

– Ша-пи-то! – подвела итог, вздохнув, Инга.

Инга проводила детей, бабушка со Степаном Ивановичем удалились в ее комнату смотреть любимый сериал. Один из любимых, спасибо киноиндустрии за неумность в показе данной продукции, – верное средство занять старушек язвительных с питомцами. И, кстати, да, Степан Иванович со всей серьезностью смотрел телевидение и комментировал хрюканьем, составляя Фенечке компанию в живом обсуждении происходящего на экране.

Инга приготовила обед и принялась за работу. Она часто делала работу дома, ту ее этапную составляющую, когда требовалось на бумаге и в компьютере прикинуть проект, цветочную гамму, подборку растений и набросать приблизительную смету. Дома спокойнее думалось и творилось.

Заказ, над которым она сейчас работала, – один из самых масштабных, интересный предоставленной возможностью полного творческого разгуляева.

Но Инга что-то никак не могла сосредоточиться. Вот не шел у нее из головы гость неожиданный, полуночный, мирно спавший в ее гостиной мертвым сном, не реагируя ни на какие звуки.

Игнат Дмитриевич Стрельцов.

Когда она разглядывала его в дверной глазок, то смутно догадывалась, что пожаловал обеспокоенный папаша Марии Стрельцовой. Но вроде бы считается, мы в командировке далекой, все в делах-заботах и никак не можем образоваться у дверей московской родни, поэтому догадки Инги имели характер мало возможных предположений.

Родней, далекой и номинальной, они стали чуть больше года назад, когда Дмитрий Николаевич Стрельцов женился на ее маме, Ангелине Павловне. Со стороны жениха на свадьбу приезжала только Маша. Бывшая невестка Дмитрия

Николаевича категорически отказалась принимать участие «в этом идиотизме», но дочь, правда, отпустила. А сынок Игнат в тот момент находился в командировке, поэтому только телеграмму поздравительную прислал и посылку с подарком.

Дмитрий Николаевич с мамой за этот год несколько раз ездили к нему в гости в Питер, да и сам Игнат Дмитриевич пару-тройку раз наведывался по делам рабочим в Москву, но как-то так получилось, что ни с Ингой, ни с остальными членами семьи он ни разу не встретился.

Ну, бывает. Да и чего, спрашивается, им рваться знакомиться и родственные связи налаживать? Ну вот и не рвались.

Инга открыла дверь, далеко не уверенная, что он и есть неуловимый сынок Дмитрия Николаевича, поэтому и поспешила предупредить о возможных «атаках» недовольного кабанчика.

Он смотрел на нее, как на душевнобольную с гранатометом в руках, – настороженно-недоуменно – и даже вспыхнул от досады. Это ей показалось в первый момент, что от досады, но когда Инга пригласила гостя в дом и присмотрелась к нему повнимательнее, то поняла, что от какой-то уж совсем зверской усталости.

Выглядел он окончательно замученным: вокруг глаз залегли землистые тени, проклюнувшаяся щетина тоже красочности лицу не придавала, щеки чуть ввалились, глаза покраснели, он

все шурился, как делает за пределами уставший человек, стараясь собраться, не расслабляться и сфокусировать внимание.

Стрельцов ей понравился сразу. И очень.

Так странно! На мужчин последние годы у Инги реакция была нулевая, ну практически нулевая, интерес теплой водицы иногда проклевывался через обертку осторожности и занятости работой и семьей, но дальше одной-двух встреч разговорных в кафе не распространялся. А тут, нате вам: только увидела – и понравился во всех правильных значениях!

Хотя вроде бы обычный мужик, ничем особо не выдающийся: среднего роста, худощавый, подтянутый, хорошая стрижка, чуть подернутые сединой виски, внимательные карие глаза, правильные черты лица, волевой твердый подбородок – да, приятная, можно сказать, интересная мужская внешность.

Но что-то ведь торкнуло ее, а? Нечто сверх мужской внешности?

Сидит вот над эскизом, задумавшись барышенькой романтической, вместо того чтобы работать.

А ведь, может, он характера препротивного и привычек скверных? Которые вчера от усталости и навалившихся проблем не выказал?

Да ладно! Характер! Нормальный у него характер серьезного ответственного мужика, чего выдумывать и глупости накручивать! Да и ба-

тенька его не жаловался, только похваливал с гордостью. И примчался за доченькой, задвинув все дела свои и усталость.

А проблемы у мужика – ой-ой-ой!

Тайная ежедневная молитва родителей всех подростков, чтобы пронесло стороной от проблем-то таких!

Инга вздохнула старушечкой, подперла кулачком подбородок, облокотившись на стол, посмотрела в оконце.

«Надо же, а? – недоумевала, поражаясь самой себе. – Мужик как мужик, ну интересный, привлекательный, есть в нем что-то.... Фиг знает, но пробрало меня по полной программе! Никогда так не пробирало, а вот же, сподобило! Ну и что? Полюбовалась – и задвинь подальше, тем более что заморочен он дочерним «подарочком». Да и о чем ты, Инга Валерьевна?! Понравился! И ничего подобного, так нет же, сижу вот, думаю, вместо того чтобы делом заниматься! Идиотизм!»

Она услышала движение за дверью и поняла, что объект ее странных размышлений и чувств-с непонятных пробудился ото сна и бродит по коридору, как призрак коммунизма по Европе.

Встрепенулась было выйти навстречу и передумала, сам дорогу найдет. Квартирка у них хоть и далеко не маленькая, но не Зимний же дворец, в конце концов!

И назло себе, в виде «ответа Чемберлену» своим растревожившим мыслям, чувствам непонятным и удивлению, уткнулась в эскиз – давай, работай, озабоченная ты моя!

Ха! Ха! Ха! Три раза – работай!

Игнат никак не мог проснуться.

Некое странное состояние, когда частью сознания понимаешь, что уже проснулся, и начинаешь осознавать себя в действительности, но никак не можешь открыть глаза и все плаваешь между реальностью и остатками досматриваемого сна.

Полусон, полуявь, полуподремывание – приятное безвременье.

Он перевернулся с бока на спину, и затягивающее сновидение улепетнуло, уступив место реальности проистекающей. Стрельцов открыл глаза и не сразу сообразил, где находится.

Не дома. Точно.

Потолки высоченные, диван незнакомый, запахи иные. Приятные, умиротворяющие, но иные.

И вспомнил. Сел на диване и осмотрелся.

Большая, светлая, очень уютная комната: у дивана длинный невысокий столик со стеклянной столешницей, два объемных пухлых кресла, плазма над декоративным камином, старинные стильные застекленные книжные шкафы под потолок.

Дальше рассматривать детали интерьера он не стал, поднялся резким движением, оперативно оделся, проигнорировав пиджак с галстуком, сложил стопочкой постельные принадлежности и пошел искать обитателей данной жилплощади и дочь свою Машу среди них.

Выйдя из комнаты, Стрельцов несколько подрастерялся в широком длинном коридоре. Что-то типа: направо пойдешь... налево пойдешь, хоть «ау!» кричи.

Кричать Игнат Дмитриевич не стал, а принял любимую русскую разведтактику, а именно метод научного тыка.

За третьей по счету открытой им дверью обнаружился туалет.

Святое. И главное, насущное. Воспользовался.

За четвертой – ванная комната. Ну, это после выяснения обстановки в целом. Погодим.

А вот за пятой дверью с деревянным шариком, привязанным к ручке, оказалась кухня с хозяйкой внутри.

– Здравствуйте, Игнат! – приветливо поздоровалась она.

Как и накануне ночью, когда он был допущен в чертоги, большой обеденный стол оказался завален ватманами разного формата, листками, линейками-карандашами, там же стоял открытый ноутбук.

– Здравствуйте, Инга, – отвечивал, как и полагается, Стрельцов и покался: – Я снова отвлек вас от работы. Извините.

– Ничего страшного, – уверила она, поднялась и начала быстро собирать со стола вещи.

– А где Маша? – поинтересовался отец местонахождением дочери блудной.

– Сбежала, – оповестила Инга и поспешила успокоить: – Не пугайтесь, не в глобальном смысле. Пока только от вашего выговора, на несколько часов, имея тайную надежду, что каким-то чудесным образом вы успокоитесь и ругать сильно не станете.

– И куда она сбежала? – засунув руки в карманы брюк, качнувшись с пяток на носки и обратно, автоматически переключился на начальника господин Стрельцов.

– В торговый центр, – улыбнулась понимающе Инга. – В сопровождении сачкующего по этому поводу от школы кавалера, а именно моего сына Федора. Программа следующая: кино, кафе, гуляние с периодическим прозвоном и проверкой по телефону меры вашего гнева.

– А вы им потворствуете! – недовольно проворкотал господин начальствующий.

– Большинство голосов они этот спор выиграли, – пожала плечами Инга и неожиданно «соскочила» с темы. – Хотите в душ?

Стрельцов посмотрел на нее, подивившись себе, отчитывающему ее как подчиненную не-

радивую, и испытав нечто отдаленно похожее на раскаяние, приведшее к смиренному вздоху.

– Хочу.

– Там в шкафчике, в ванной, найдете чистое полотенце, – сопровождала предложение Инга. – Обедать будете?

– Обедать? – не понял Стрельцов игнорирование завтрака после сна. – А сколько времени?

– Три часа или чуть более того, – улыбнулась с намеком на сарказм хозяйка.

– Тогда буду, – согласился Игнат Дмитриевич с хорошим предложением и, слава богу, не забыл смягчить все свои подтексты на претензии. – Извините, Инга, за неудобства, доставленные вам нами с дочерью.

– Я лучше ответным визитом с сыном Федором бабахну, он давно хочет Питер посмотреть основательно, – двинула встречное предложение Инга.

– Все, обещали! – строго закрепил решение Стрельцов, не выпадая из роли жоака, и вышел из кухни.

Душ – это хорошая вещь!

Распариться-помыться, и побриться, и немного релакса, правда, без песен и долго не намоешься – все-таки в гостях, да и к обеду зван!

«Рубашку, конечно, следовало бы свежую», – недовольно скривясь, подумал Игнат, одеваясь.

Но в данных обстоятельствах и за то, что есть, великое мерси!

И, довольный бодростью чистой отмытости и побритости, двинулся из ванной в кухню.

Пахло там! Организм отреагировал громким звуковым голодным спазмом в желудке, изойдясь слюной предчувствия.

– Какие ароматы! – не удержал Стрельцов призыва желудочно-душевного.

– Садитесь, Игнат, – распорядилась Инга, накрывая на стол. – Вы ведь, наверное, сутки не ели?

– А кто его знает, может, и сутки, – согласился он, усаживаясь на диван у стола.

Ну что в этот день Игнату Дмитриевичу бог послал? Свежего, еще теплого бородинского хлеба, борща наваристого, соленья-маренья, овощной салат, отбивные из белого куриного мяса в панировке – и все отменного вкуса и великолепного исполнения.

Дары щедрые, неожиданные, никак господь расщедрился за все вчерашние мучения. Блоровал.

– Инга! – с трудом взяв малую паузу между жеванием, выказал искренний восторг Стрельцов. – Я даже выразить в полной мере свое восхищение не могу! Не оторваться, до чего вкусно!

– Спасибо, – приняла хвалу своей кулинарии хозяйка.

Первый суровый голод, утоленный самым благостным образом, позволил Стрельцову вступить в застольную беседу:

– А где остальные члены вашей семьи? Я знаю, вы с бабушкой живете.

– С бабушкой, – кивнула, улыбаясь, Инга, – Анфисой Потаповной, и, разумеется, со Степаном Ивановичем. А маман съехала к вашему папе, подальше от злой иронии маркизы.

– А кто у нас маркиза? – спросил Стрельцов, дав себе по-быстрому установку ничему не удивляться.

После знакомства-то со Степаном Ивановичем чему уж теперь!

– Анфиса Потаповна, она же Фенечка, – ответствовала, не переставая улыбаться, Инга, – она же маркиза, прозванная так за тяготение к манерам недобитого дворянства и живость ироничного склада ума.

– И где она сейчас?

– Они со Степаном Ивановичем смотрят сериал, – спокойненько пояснила Инга.

Стрельцову пришлось оперативно напомнить себе ранее данную установку ничему не удивляться. Подумаешь, свиньи телевизор смотрят! В цирке и обезьяны курят! У него в кармане брюк завибрировал телефон, закрепив вызов мелодией, спасая Игната Дмитриевича от рассуждений о способностях и возможностях братьев наших меньших.

– Извините, – соблюл этикет он и ответил: – Да!

– Я звоню тебе уже десятый раз! – атаковала Марина в свойственной ей манере. – Почему ты не отвечаешь?!

Стрельцов бросил быстрый взгляд на Ингу, но вставать и выходить из кухни, унося разговор в область тет-а-тета, не стал.

– Здравствуй, Марина, – попытался остудить ее кипение холодностью тона он.

Не-а! Это не канают, когда Марина в праведном негодовании! Только радикально-действенные меры, например отключение телефона, на крайняк скотч на рот или кляп.

– Что у вас там происходит?! Четвертый час, а ты не соизволил позвонить и сам не отвечаешь! У Машки телефон так и выключен! Ты с ней поговорил?!

– Пока нет.

– Что значит нет?! Вы вообще где?!

– Еще в Москве, – и повысил голос до требовательного: – Прекрати кричать!

– Как в Москве?! – проигнорировала его требование Марина. – Пусть она немедленно едет домой!

– Значит, так! Если ты не прекратишь разговаривать со мной в подобном тоне, я больше отвечать на твои звонки не стану! – хладнокровно пугнул бывшую жену Стрельцов.

На этот раз она его услышала и прониклась серьезностью предупреждения.